

Философская лирика

А. С. Пушкина

Философская лирика

А. С. Пушкина

Философия

(греч. philosophía - любовь к мудрости, от philéo - люблю и sophía - мудрость)

- общие принципы бытия и познания;
- отношения человека и мира;
- всеобщие законы развития природы, общества и мышления.

Философия вырабатывает обобщённую систему взглядов на мир и на место в нём человека.

Лирика — особый способ художественного мышления и осмысления жизни. При сочинении стихотворения или при чтении его, при исполнении песни человеком владеет лирическое чувство, личное, присущее «только мне» переживание. Поэтому лирику можно определить как выражение сокровенных переживаний и в искусстве жизни.

«В лирическом произведении, как и во всяком произведении поэзии, мысль выговаривается словом; но эта мысль скрывается за ощущением и возбуждает в нас созерцание, которое трудно перевести на ясный и определённый язык сознания. И это тем труднее, что чисто лирическое произведение представляет собою как бы картину, между тем как в нём главное дело не самая картина, а чувство, которое она **возбуждает в нас.**»

(Из статьи В.И. Валицкого «Разделение поэзии на роды и виды»)

Моя эпитафия

Здесь Пушкин погребен; он **с музой**
молодою,
С любовью, ленью провел
веселый век,
Не делал доброго, однако ж **был**
душою,
Ей-богу, **добрый человек.**

1815

Эпитафия

- (от греч. *epitáphios* - надгробный), надмогильная надпись, преимущественно стихотворная: небольшое стихотворение, обычно с обращением к умершему или от умершего к прохожим ("Прохожий, стой!..."). Существовала и как реальная надпись, и как фиктивная (в сборнике стихов).

В европейской литературе появляется как разновидность античной эпиграммы (в европейской поэзии - короткое стихотворение, заканчивающееся острой, злой шуткой по поводу кого-чего-н. (лит.)).

Медлительно влекутся дни мои,
И каждый миг в унылом сердце множит
Все **горести несчастливой любви**
И все **мечты безумия** тревожит.
Но я молчу; не слышен ропот мой;
Я слезы лью; мне слезы утешенье;
Моя душа, плененная тоской,
В них **горькое** находит **наслажденье.**
О жизни час! лети, не жаль тебя,
Исчезни в тьме, пустое привиденье;
Мне дорого любви моей мученье –
Пускай умру, но пусть умру любя!

Я пережил свои желанья,
Я разлюбил свои мечты;
Остались мне одни страданья,
Плоды сердечной пустоты.

Под бурями судьбы жестокой
Увял цветущий мой венец —
Живу печальный, одинокой,
И жду: придет ли мой конец?

Так, поздним хладом
пораженный,
Как бури слышен зимний свист,
Один — на ветке обнаженной
Трепещет запоздалый лист!..

Телега жизни

Хоть тяжело подчас в ней бремя,
Телега на ходу легка;
Ямщик лихой, седое время,
Везет, не слезет с облучка.

С утра садимся мы в телегу;
Мы рады голову сломать
И, презирая лень и негу,
Кричим: пошел!

Но в полдень нет уж той отваги;
Порастрясло нас; нам страшней
И косогоры и овраги;
Кричим: полегче, дуралей!

Катит по-прежнему телега;
Под вечер мы привыкли к ней
И, дремля, едем до ночлега —
А время гонит лошадей.

ДЕМОН

В те дни, когда мне были новы
Все впечатленья бытия —
И взоры дев, и шум дубровы,
И ночью пенье соловья, —
Когда возвышенные чувства,
Свобода, слава и любовь
И вдохновенные искусства
Так сильно волновали кровь, —
Часы надежд и наслаждений
Тоской внезапной осеня,
Тогда какой-то злобный гений
Стал тайно навещать меня.
Печальны были наши встречи:
Его улыбка, чудный взгляд,
Его язвительные речи
Вливали в душу хладный яд.
Неистощимой клеветою
Он провиденье искушал;
Он звал прекрасное мечтою;
Он вдохновенье презирал;
Не верил он любви, свободе;
На жизнь насмешливо глядел
—
И ничего во всей природе
Благословить он не хотел.

* * *

Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смиришь:
День веселья, верь, настанет.
Сердце в будущем живет;
Настоящее уныло:
Все мгновенно, все пройдет;
Что пройдет, то будет мило.

1825

АНГЕЛ

*В дверях эдема ангел нежный
Главой поникшею сиял,
А демон мрачный и мятежный
Над адской бездною летал.
Дух отрицанья, дух сомненья
На духа чистого взирал
И жар невольный умиленья
Впервые смутно познавал.
«Прости, — он рек, — тебя я
видел,
И ты не даром мне сиял:
Не всё я в небе ненавидел,
Не всё я в мире презирал».*

1827г

ВОСПОМИНАНИЕ

Когда для смертного умолкнет шумный день,
И на немые стогны града
Полупрозрачная наляжет ночи тень
И сон, дневных трудов награда,
В то время для меня влачатся в тишине
Часы томительного бденья:
В бездействии ночном живей горят во мне
Змеи сердечной угрызенья;
Мечты кипят; в уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток;
Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток;
И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.

1828 г

Предчувствие

Снова тучи надо мною
Собралися в тишине;
Рок завистливый бедою
Угрожает снова мне...
Сохраню ль к судьбе презренье?
Понесу ль навстречу ей
Непреклонность и терпенье
Гордой юности моей?
Бурной жизнью утомленный,
Равнодушно бури жду:
Может быть, еще спасенный,
Снова пристань я найду...
Но, предчувствуя разлуку,
Неизбежный, грозный час,
Сжать твою, мой ангел, руку
Я спешу в последний раз.
Ангел кроткий, безмятежный,
Тихо молви мне: прости,
Опечалься: взор свой нежный
Подыми иль опусти;
И твое воспоминанье
Заменит душе моей
Силу, гордость, упованье
И отвагу юных дней.

Дар напрасный, дар случайный...

Дар напрасный, дар случайный,

Жизнь, зачем ты мне дана?

Иль зачем судьбою тайной

Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью

Из ничтожества воззвал,

Душу мне наполнил страстью,

Ум сомнением взволновал?..

Цели нет передо мною:

Сердце пусто, празден ум,

И томит меня тоскою

Однозвучный жизни шум.

26 мая 1828 г.

Брожу ли я вдоль улиц шумных...

Брожу ли я вдоль улиц шумных,
 шумных,
 Вхожу ль во многолюдный
 храм,
 Сижу ль меж юношей
 безумных,
 Я предаюсь моим мечтам.
 Я говорю: промчатся годы,
 И сколько здесь ни видно
 нас,
 Мы все сойдем под вечны
 своды —
 И чей-нибудь уж близок час.
 Гляжу ль на дуб уединенный,
 Я мыслю: патриарх лесов
 Переживет мой век
 забвенный,
 Как пережил он век отцов.
 Младенца ль милого ласкаю,
 У

День каждый, каждую минуту,
 Привык я думой провождать,
 Грядущей смерти годовщину
 Меж их стараясь угадать.
 И где мне смерть пошлет
 судьбина?
 В бою ли, в странствии, в
 волнах?
 Или соседняя долина
 Мой примет охладелый прах?
 И хоть бесчувственному телу
 Равно повсюду истлевать,
 Но ближе к милому пределу
 Мне все б хотелось почивать.
 И пусть у гробового входа
 Младая будет жизнь играть,
 И равнодушная природа
 Красною вечною сиять.

☆☆☆

Два чувства дивно близки нам

—

В них обретает сердце пищу

—

Любовь к родному пепелищу,

Любовь к отеческим гробам.

Животворящая святыня!

Земля была б без них мертва,

Как пустыня

И как алтарь без божества.

Бесы

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Еду, еду в чистом поле;
Колокольчик дин-дин-
дин...
Страшно, страшно
поневоле
Средь неведомых равнин!
«Эй, пошел, ямщик!..» —
«Нет мочи:
Коням, барин, тяжело;
Вьюга мне слипает очи;
Все дороги занесло;
Хоть убей, следа не
видно;
Сбились мы. Что делать
нам!
В поле бес нас водит,
видно,
Да кружит по сторонам.
Посмотри: вон, вон играет,
Дует, плюет на меня;
Вон — теперь в овраг

Там верстою небывалой
Он торчал передо мной;
Там сверкнул он искрой
малой
И пропал во тьме пустой».
Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Сил нам нет кружиться
доле;
Колокольчик вдруг умолк;
Кони стали... «Что там в
поле?» —
«Кто их знает? пень иль
волк?»
Вьюга злится, вьюга
плачет;
Кони чуткие храпят;
Вот уж он далече скачет;
Лишь глаза во мгле горят;
Кони снова понеслись;

Вижу: духи собралися
Средь белеющих
равнин.
Бесконечны,
безобразны,
В мутной месяца игре
Закружились бесы
разны,
Будто листья в ноябре...
Сколько их! куда их
гонят?
Что так жалобно поют?
Домового ли хоронят,
Ведьму ль замуж
выдают?
Мчатся тучи, вьются
тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Мчатся бесырой за

Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы

Мне не спится, нет огня;
Всюду мрак и сон докучный.
Ход часов лишь однозвучный
Раздается близ меня,
Парки бабье лепетанье,
Спящей ночи трепетанье,
Жизни мышья беготня...
Что тревожишь ты меня?
Что ты значишь, скучный
шепот?
Укоризна или ропот
Мной утраченного дня?
От меня чего ты хочешь?
Ты зовешь или пророчишь?
Я понять тебя хочу,
Смысла я в тебе ищу...

ЭЛЕГИЯ

- (1) Безумных лет угасшее веселье
- (2) Мне тяжело, как смутное похмелье.
- (3) Но, как вино – печаль минувших дней
- (4) В моей душе чем старе, тем сильнее.
- (5) Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
- (6) Грядущего волнуемое море.
- (7) Но не хочу, о други, умирать;
- (8) Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать;
- (9) И ведаю, мне будут наслажденья
- (10) Меж горестей, забот и тревоженья:
- (11) Порой опять гармонией упьюсь,
- (12) Над вымыслом слезами обольюсь,
- (13) И может быть – на мой закат печальный
- (14) Блеснет любовь улыбкою прощальной.

8 сентября 1830

Элегия – жанр лирики, посвященный печальным раздумьям, **это стихотворение грустного содержания, состоящее из двух частей:**

- ✓ описания природы (в русской поэзии приобретает философское звучание)
- ✓ размышлений лирического героя

Пора, мой друг, пора!

Пора, мой друг, пора! покоя сердца
просит –

Летят за днями дни, и каждый час
уносит

Частичку бытия, а мы с тобой вдвоём
Предполагаем жить, и глядь - как раз -
умрем.

На свете счастья нет, но есть покой и
воля.

Давно завидная мечтается мне доля –
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых
ног

Из Пиндемонти

Не дорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружится голова.
Я не ропщу о том, что отказали боги
Мне в сладкой участи оспоривать налоги
Или мешать царям друг с другом воевать;
И мало горя мне, свободно ли печать
Морочит олухов, иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет балагура.
Все это, видите ль, снова, слова, слова*.
Иные, лучшие, мне дороги права;
Иная, лучшая, потребна мне свобода:
Зависеть от царя, зависеть от народа –
Не все ли нам равно? Бог с ними.
Никому Отчета не давать, себе лишь
самому
Служить и угождать, для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам,
И пред созданьями искусств и вдохновенья
Трепеща радостно в восторгах умиленья. –
Вот счастье! вот права...

Когда за городом, задумчив, я брожу
И на публичное кладбище захожу,
Решетки, столбики, нарядные
гробницы,
Под коими гниют все мертвецы
столицы,
В болоте кое-как стесненные
рядком,
Как гости жадные за нищенским
столом,
Купцов, чиновников усопших
мавзолеи,
Дешевого резца нелепые затеи,
Над ними надписи и в прозе и в
стихах
О добродетелях, о службе и чинах;
По старом рогаче вдовицы плач
амурный,
Ворами со столбов отвинченные
урны,

Но как же любо мне
Осеннюю порой, в вечерней тишине,
В деревне посещать кладбище
родовое,
Где дремлют мертвые в
торжественном покое.
Там неукрашенным могилам есть
простор;
К ним ночью темною не лезет
бледный вор;
Близ камней вековых, покрытых
желтым мохом,
Проходит селянин с молитвой и со
вздохом;
На место праздных урн и мелких
пирамид,
Безносых гениев, растрепанных
харит
Стоит широко дуб над важными
гробами,

